

С. Р. ВАРТАЗАРЯН

К АНАЛИЗУ ПОНЯТИЯ ЗНАКА

Развитие семиотики — общей теории знаков — направляется сейчас главным образом логикой и лингвистикой, давно уже с логикой породившейся. Неразрывная связь с этими бурно развивающимися в последние десятилетия науками для семиотики плодотворна, однако, это же — причина несколько одностороннего развития ее. Поскольку при этом, говоря о логике, сейчас имеют в виду логику математическую, а говоря о лингвистике — ее современную отрасль — лингвистику структурную, то семиотика мыслится как некоторая отрасль знания, продолжающая математическую логику и структурную лингвистику и объединяющая их. Тогда естественен взгляд на семиотику как на исключительно формальную науку¹. Но смысл формальных построений в математической логике в том, что они в конечном счете должны привести к вскрытию некоторых реальных способов мышления, представляемых в качестве языкоподобных явлений. Объяснительная же сила структурной лингвистики, проявляющаяся пока только как возможность интерпретации некоторых моделей синхронного описания на материале истории языка², а также описания некоторых механизмов языка, несомненно будет крепнуть, и, быть может, в силу выявления все более абстрактных внутриязыковых соотношений.

Поэтому естественно, что семиотика, связь которой с теорией познания несомненна (и эта связь не только в том, что она может «предоставить в распоряжение последней формальные средства для проверки некоторых ее положений») ³, не может оставаться на уровне формальных схем, моделей и типологий, и абстракции ее не могут быть только формально-логического типа.

Трудным местом для семиотики все еще остается понятие знака, и семиотика поэтому до сих пор остается конгломератом разнообразных исследований⁴. Трудности, связанные с выработкой понятия знака, из числа тех, которые встают перед наукой в период становления теории; прежде всего они касаются определения предмета последней. Ни логическое, ни лингвистическое понятия знака не могут быть непосредственно перенесены в семиотику. А выход оказывается формальным — посредством типологии, в которой путем выделения общих и отличительных признаков устанавливается схема («таксономическая», как бы сказал С. К. Шаумян) расположения знаков разного вида. Нет стремления обнаружить переходы от одного типа знаков к другому, а если оно и есть, то только на эмпирическом уровне⁵.

Правда, в семиотике уже установилась отличная от вышеописанного и более ценная традиция начинать обсуждение проблемы знака с описания и анализа знаковых:

¹ См. И. И. Ревзин, От структурной лингвистики к семиотике, «Вопросы философии», 1964, № 9, стр. 43; Ю. Гастев, Семиотика, ст. в «Философской энциклопедии», т. 4, М., 1967, стр. 577.

² См. А. А. Зализняк, О возможной связи между операционными понятиями синхронного описания и диахронией. «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. Тезисы докладов», М., 1962; И. И. Ревзин, Структурная лингвистика и единство языкознания, «Вопросы языкознания», 1965, № 3, стр. 52 и дальше.

³ И. И. Ревзин, От структурной лингвистики к семиотике.

⁴ Это показал состоявшийся в сентябре 1967 г. симпозиум. См. «Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода», М., 1967.

⁵ Эмпирична обычно утверждаемая мысль о сводимости знаковых систем любого рода к естественному языку, а последнего к системе сигналов.

ситуации. Тем самым здесь уже отходят от формально-логического образа мышления, делается попытка найти естественное основание для последующего развития понятия знака. Но знаковая ситуация в этом случае для теоретического взгляда оказывается чем-то преднайденным. В сочетании же с обычным эмпиризмом в анализе знаковая ситуация выглядит опять-таки критерием формального толка, когда все, вовлеченное определенным образом в ситуацию, подобную знаковой, объявляется знаком. И знак прочно привязан к его чисто семантическому анализу, остальные же его характеристики большей частью просто, без особой логической необходимости, приплюсовываются к его семантической характеристике. «Измерения» (dimensions) знака, введенные Ч. Моррисом⁶, не имеют между собой другой связи, кроме как через знак, который как раз-таки нужно определить. Знак выглядит всего лишь связующим звеном между различными «параметрами» — синтаксическим, семантическим и прагматическим — а в некоторых рассуждениях предстает как логическое место, к которому приложена данная схема тройственного отношения, и этой схемой определяется.

Поиск основания для развития абстрактной теории знаков предпринял и А. А. Зиновьев⁷. Это основание предположено в эксплицитно не определенном понятии соответствия. Необходимо заметить, что понятие соответствия оказывается вовлеченным в анализ только в результате рассмотрения (описательного, хоть и общего) деятельности человека, соотносящего два предмета, из которых при определенных условиях один становится знаком другого, т. е. в результате анализа некоторой упрощенной схемы знаковой ситуации.

Мы хотели бы найти те обстоятельства, когда знак в своем функциональном бытии отличен от субстанционального минимальным разрывом, найти момент скачка, перехода через эту различенность, перехода, который, совершившись, разрыв этот утверждает. Поэтому мы обращаемся к философскому анализу понятия знака. Тем самым мы, во-первых, отказываемся от формальной абстрактности логики, во-вторых, отказываемся от эмпиризма, пытаюсь представить понятие о знаке таким образом, что основные понятия семиотики оказываются выводимы друг из друга, и все они из одного по необходимости простого, чистого и абстрактного основания. С этим связана наша надежда, что такие понятия, как «значение», «смысл», «денатот» и другие, могут предстать в качестве моментов в многоступенчатом диалектическом развитии понятия знака. Но это не значит, что, пройдя весь путь умозрения, мы подойдем к дефиниции знака. Не значит это и то, что развивается первоначальное понятие знака, что само это понятие подвержено внешним изменениям. Напротив. Понятие знака, как и любого другого объекта, включает в себя весь путь его построения, и развитие понятия следует понимать также как внутреннее движение, определяющее содержание его.

Понятие знака объединяет разнообразные явления: знаки естественного языка, знаки искусственных языков (логических исчислений, кодов), так называемые «естественные» знаки (дым как знак огня и т. п.) и сигналы (ракета — сигнал о начале атаки). Общим между всеми этими видами знаков является то, что каждое из них есть, говоря грубо, некоторое явление, относящее нас к чему-то другому, обозначающее нечто, лежащее вне самого этого явления. Причем, связь между первым явлением (обозначающим) и вторым (обозначаемым) немислима без человека, который понимает смысл этих знаков.

Но есть один вид знаков, который, казалось, опровергает сказанное выше. Если сравнить два выражения — «слон имеет четыре ноги» (1) и «слон имеет четыре буквы» (2). — то ясно, что в первом случае «слон» обозначает определенное животное, обладающее четырьмя ногами. Если мы примем, что и во втором случае «слон» обозначает животное, то получится явная несуразица. Следовательно, «слон» во втором случае употреблен иным, чем в первом, образом. Эта разница в том, что в (1) «слон» есть

⁶ Ch. W. Morris, Foundations of the Theory of Signs, „International Encyclopedia of Unified Science“, vol. I, 1938.

⁷ А. А. Зиновьев, Об основах абстрактной теории знаков, «Проблемы структурной лингвистики», М., 1963.

название для какого-то предмета, который явно отличается от самого слова «слон», и во (2) «слон» есть название для самого слова «слон», которое действительно состоит из четырех букв. Так употребляться может любой знак. Это явление самоназвания обозначено термином «автоимное употребление знакового выражения», а сам знак (или знаковое выражение) называется автоимным. Понятие автоимного знака включается в понятие знака вообще. Автоимный знак представляет собой крайний, в некотором отношении, случай знака. Его мы и избираем в качестве основания для дальнейших рассуждений.

Пристальное внимание к понятию автоимности позволяет найти в нем следующие достоинства. Первое заключено в его абстрактности, следовательно — простоте. Это, естественно, касается пока только формально-логической стороны дела, так как автоимния содержит одно определение: быть знаком самого себя. Второе, более важное, в том, что данная абстракция подводит нас к тому рубежу, за которым уже невозможно чисто семиотическое рассуждение. Ведь автоимность знака снимает в нем именно знаковость, низводя знак до уровня вещи, тождественной самой себе. Но, с другой стороны, эта абстракция есть простой и чистый случай знаковости, случай, когда в понятие знака еще не вовлекается ни денотат, ни значение, ни интерпретатор, ни что другое.

Итак, автоимный знак есть знак, низведенный до той грани, за которой он есть просто вещь. Это крайний случай полной сращенности знака с вещью, так что это явление можно обозначить выражением «знак-вещь». Как вещь автоимный знак тождествен себе. Но он и отличен от самого себя, в частности, он относится к себе отличным от тождества образом, потому что входит в отношение самоназвания, т. е. становится знаком самого себя. Помятуя о таких отношениях, как отношение предмета и признака, вещи и свойства, сохраняющегося и изменчивого в предмете, диалектик не найдет ничего поразительного в том, что и автоимность выражает некоторое противоречие в природе самого «знака-вещи» — его различенность внутри себя самого. И хотя мы никогда не сможем показать, какая часть или сторона вещи служит в качестве одного члена номинативного отношения (скажем, обозначающего), а какая в качестве другого (обозначаемого), в принципе каждая вещь может стать автоимным знаком.

Более того, мы еще никак не можем говорить и о семантических отношениях обозначения и выражения. Знак предположен здесь как нечто единичное, и его отношение к себе не расчленено, семантические функции мыслятся в единстве. Знак автоимен — он репрезентирует себя.

Употребление автоимных знаков основано на абстракции отождествления. Если мы имеем в каком-либо тексте слово «слон» в нескольких местах, причем каждое употребление выделено каким-нибудь шрифтом, то, строго говоря, коль скоро мы отвлеклись от значения слова, мы имеем разные явления, отличные как по виду, так и по месту в пространстве. Однако мы отождествляем все эти случаи, принимая, что «слон», каким бы образом это слово ни употреблялось, всегда состоит из четырех букв с, л, о, н и есть одно и то же.

Единичный знак автоимен в чистом виде. Он являет собой только некоторую различенность знака в себе. Но, будучи возведен в степень репрезентанта, он уже оказывается представителем множества знаков, отождествляемых по своей функции в отношении субъекта, а также (если они входят в некоторую систему) и в отношении данной знаковой системы.

Системой автоимных знаков является любая знаковая система, взятая в отрыве от возможности ее интерпретации. Такой знаковой системой является любое логическое исчисление. Но не во всем своем объеме. Логическое исчисление вообще можно разделить на три части. Первая — это некоторая совокупность предложений естественного содержательного языка, в которой задаются правила, по которым можно развернуть систему. Эти правила состоят из правил построения, в которых определяется то, каким образом возможно построение правильных выражений данной системы, а также правил вывода, в которых определяется, каким образом можно из одного правильно построенного выражения данной системы вывести другое правильно построенное выражение. Поскольку правила построения и вывода описывают формальную систему, а также

являются предписанием, по которому разворачивается данная система,— постольку они представляют собой метаязык по отношению к задаваемой системе.

Вторая часть — это собственно формальная система. Содержащиеся в ней символы рассматриваются в качестве некоторых объектов, лишенных всякого содержания. Здесь происходит переход по определенным правилам (по правилам вывода) от одного набора символов к другим. Такой подход позволяет построение формальной системы, поскольку здесь дело идет лишь об оперировании с физическими объектами, передать машине.

Третья часть — это интерпретация формальной системы. Если формальная система представляет собой так называемое прикладное исчисление, т. е. все переменные данной системы имеют содержательную интерпретацию в качестве понятий какой-либо области знания, то интерпретация здесь мыслится шире и «реалистичнее», чем в случае чистых исчислений, когда интерпретацией является выяснение истинностного значения выражений формальной системы.

В метаязыке формальной системы задается совокупность знаков, над которыми должны производиться определенные операции в самой разворачиваемой системе. «Алфавит» системы может задаваться двумя способами. Первый—описательный. Скажем, мы можем объявить, что будем использовать прописные буквы латинского алфавита. Так возможно избежать явления самоназвания, ибо для задания алфавита мы употребили название (прописные буквы латинского алфавита), явно отличное от того, что названо (т. е. самих букв алфавита — a, b, c, \dots, z , которые в дальнейшем будут участвовать в построении системы). Второй способ основан на автонимии. Объявляется, что будут, допустим, употребляться символы: $p, q, r, s, p_1, q_1, r_1, s_1, p_2, q_2, r_2, s_2, \dots$. Автонимия здесь несколько расширительно понята. Знаки в заданном в метаязыке алфавите отождествлены со знаками, употребляемыми в формальной системе. В силу тождества это есть явление самоназвания. В силу же того, что знаки алфавита, заданные в метаязыке, и знаки, употребляемые в формальной системе, хоть и тождественны друг другу, однако, принадлежат разным уровням исчисления, они взаимно репрезентируют друг друга⁸. Такое положение чревато опасностью возникновения парадоксов типа парадокса Рассела. А так как для задания какой бы то ни было формальной системы всегда необходимо бывает употребить часть содержательного языка, в выражениях которого задается формальная система, то полностью избежать этой возможности нельзя. Единственное противоядие — это опять таки содержательное требование четкого и сознательного различения уровней, на которых употребляются знаки.

Система логического исчисления, если взглянуть на нее с определенной узкой точки зрения, есть некоторое множество знаков, упорядоченное той совокупностью операций, которая описана в метаязыке системы. Поскольку знаки системы мыслятся как автонимные (и этого избежать нельзя, что с легкостью может быть показано), постольку какая-либо определенность каждого из них задана той совокупностью операций, которая упорядочивает данное множество знаков. Логическое исчисление, как видно, существует как путь в три шага: 1) задание множества автонимных знаков; 2) задание внешней системы операций над знаками, а следовательно, упорядочение данного множества; 3) движение в самой системе, т. е. нахождение отношений между знаками (можно бы добавить — нетривиальных отношений, но это уже требование, в общем касающееся интерпретации).

Отношения между знаками мыслятся прежде всего как преобразования одних знаков в другие в ходе разворачивания системы. Можно бы сказать, что в силу тавтологического характера разворачивания системы из исходных символов по определенным правилам, вся система уже содержится в алфавите, правилах преобразования и аксиоматике. То же было бы справедливо и в отношении любой математической области, имеющей реальную интерпретацию. Скажем, об евклидовой геометрии можно было бы утверждать, что все ее содержание заключено в первичных терминах (соответственно—

⁸ В этой связи важно различие «абстрактного» и «конкретного» знаков, введенное А. А. Марковым. См. его «Теорию алгорифмов», Труды математического института им. Стеклова, т. 42, 1954. У Р. Карнапа различены «sign-design» и «sign-event».

понятиях) и аксиомах. Но развертывание любой логической системы можно продолжить до бесконечности, и в содержание ее тогда войдут не имеющие никакой ценности тавтологии, тривиальные места и формулы непомерной длины. Различные же следствия имеют разную практическую и научную ценность. Самое же главное, что при определенном выше взгляде не учитывается эвристическое движение, не поддающееся полностью формальному анализу, но неявно заданное в аксиоматике как содержащейся в системе необходимости переводить одно знаковое построение в другое, способности знаковых построений быть сводимым к другим и выводимым из других.

Закономерность, определяющая эту внутреннюю необходимость, определяющая возможность соотношения знаков,— есть значение знака (синтаксическое значение). В ходе процесса тождественных преобразований, на разных этапах развертывания системы один и тот же знак (или одно и то же знаковое построение) оказывается соотносимым с другими различными знаками или знаковыми образованиями. Скажем, некоторое выражение A может быть представлено в выражении $(A \sim PR)$, а также в $(A \sim QS)$, где \sim есть знак эквиваленции. Каждое частное преобразование знаков, каждое единичное осуществление принципа соотнесения знаков (осуществление значения) есть выявление смысла данного знака, определенного исключительно в границах данного исчисления. При единообразии принципа соотнесения знаков (значения) смысл различен в разных знаковых построениях. Смысл есть функция значения.

В процессе тождественных преобразований одно знаковое образование соотносится с другими. Тем самым, соотносимые знаковые образования, коль скоро они различены и в то же время поставлены в отношение тождества (т. е. здесь нет простой тавтологии $A=A$; обычно в таких случаях говорят об эквивалентности) взаимно определяют смысл. Тождество как осуществление правила преобразования знаков вскрывает значение данных знаковых образований. Но различие в знаковой форме отождествляемых сторон, потому что тождество мыслится здесь как преобразование одного знака в другой, определяет смысл. Таким образом, смысл определен как различие знаковых образований. Различие это, естественно, основано на том, что каждый знак, будь то простой знак или знак сложный, есть знак «построенный», и даже самое вещественное строение знака, его отличие от других по форме становится существенным. Так, А. А. Марков описывает задаваемый им алфавит тем, что каждая буква алфавита должна быть написана без отрыва пера от бумаги (тогда «ы» в алфавит войти не может). В фонологии же основополагающим является понятие дифференциального признака⁹.

Можно заключить, что знак, имеющий смысл (а в неинтерпретируемой знаковой системе его имеет каждый знак — как построение данного знака, каждое частное осуществление значения), всегда каким-то образом построен. Для случая простого знака это есть построение его вида; здесь дело может идти только о сочетании признаков, релевантных в различении знаков. В случае же сложного знака — это его строение как сочетание знаков. Построенность знака проходит три степени усложнения: 1) степень физического строения, когда на уровне единичного автономного знака еще не может быть вопроса об отличении его от других автономных знаков; 2) степень сочетания дифференциальных признаков, фиксирующих различия знаков; 3) степень знакового строения. Сложный знак, прошедший эти три степени, демонстрирует свое строение на всех ступенях, т. е. демонстрирует свой смысл трояким образом.

Реакция субъекта на знаковое образование строится в соответствии с этим трехуровневым строением знака. Прохождение в этой реакции от одного уровня к другому есть выявление «прозрачности для значения» данного знакового образования. Данное выражение используется, в частности, А. Шаффом¹⁰. Но «прозрачность для значения» им понимается как нечто неизменное и присущее оперированию лишь языковыми знаками. Это основано на том факте, что значения всех конвенциональных знаков своди-

⁹ См. Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, М., 1960; Критика его С. К. Шаумяном (Проблемы теоретической фонологии, М., 1962) привела нас к убеждению о возможности применения этих понятий и в случае неинтерпретированных знаковых систем.

мы к значениям языковых выражений, следовательно, в отношении конвенциональных знаков можно говорить об отдельном от них существовании значения, в то время как материальная оболочка слова и мысль, заключенная в нем, нераздельны. Причем, эта связь осуществляется так, что усвоение значения слова снимает восприятие материальной оболочки его, т. е. материальная оболочка слова абсолютно проницаема для значения. На наш взгляд, здесь необходимо одно важное уточнение. Не беря случая афазии и других нарушений речевого аппарата человека, которые указывают на относительный характер единства звука и значения¹¹, можно заметить, что проницаемость материальной оболочки для значения обладает различными степенями. Одной из основных черт поэзии, которая, несмотря на всю научность трудов о знаках, не должна выпадать из поля зрения семиотики, является повышение значимости именно звукового состава слова, повышение, смещающее такое непосредственное отношение вещественной формы и значения знака, и, соответственно, нарушение абсолютной «прозрачности для значения»¹². Но это касается только звуковой стороны языка. Говоря же вообще о строении языкового образования, следует иметь в виду не только проницаемость для значения у звуковой оболочки, но ту же проницаемость и у всего языкового строения данного образования. Тогда, несомненно, «прозрачность для значения» уже тесно связана с характером значения слова, тем, строится ли оно на основе однозначного или многозначного соответствия. В неинтерпретированных знаковых системах значение нами определяется как закономерность в преобразовании одних знаковых выражений в другие. Тогда «прозрачность для значения» выражается последовательностью тех шагов, которые приводят к данному выражению от основоположений, заданных в метаязыке данной системы (алфавите, правилах построения и вывода). Поэтому было бы правильнее назвать данное явление «прозрачностью для смысла».

Трудности возникают при попытке, оставаясь в рамках неинтерпретированной знаковой системы, определить то, что в дальнейшем, с переходом к интерпретированной системе, может быть названо денотатом. В отношении последнего можно принять следующие два определения: денотат есть некоторый инвариантный коррелят знаковым выражениям, имеющим одно значение, но, возможно, разный смысл; он также является чем-то внешним по отношению к формальной системе. Этих двух определений достаточно, чтобы в качестве денотата какого-либо выражения неинтерпретированной знаковой системы принять его истинностное значение (истина или ложь). Так обычно и поступают¹³. Тогда все правильные выражения данной формальной системы, поскольку они по определенным правилам интерпретации соотносятся с истинностным значением «истина», обладают значением «истина» как своим денотатом. Стадия интерпретации означает выход за собственно формальную систему, поэтому «истина» как денотат удовлетворяет и второму определению — быть внешним по отношению к формальной системе объектом. И этого для достижения целей логического исследования формальных языков достаточно.

Можно заметить, что явно конвенциональный характер определения денотата позволяет однозначно выделить в качестве такового истинностное значение. Но некоторое выражение А при интерпретации может получить истинностное значение «истина» только в силу определенного знакового строения его. Строение же выражения А есть результат следования предписанию, зафиксированному в метаязыке системы как правила построения и вывода. Построение данного знакового выражения осуществлялось в последовательности шагов-операций, которая обозначена нами как «прозрачность для значения». Интерпретируя данную систему, мы, основываясь на строении знаково-

¹⁰ См. А. Шаффа. Введение в семантику, М., 1963, стр. 202 и дальше.

¹¹ Там же, стр. 206.

¹² Интересно в этой связи возникшее в среде русских формалистов начала века понятие «звукового жеста».

¹³ См. напр., А. Черча, Введение в математическую логику, т. I, М., 1960.

го выражения, относим его к истинностному значению. Здесь можно говорить о едином движении от значения как метаязыкового предписания через последовательное построение данного знакового выражения к истинностному значению. Только фиксация этого движения в форме, строении знакового выражения приводит к соотношению его с денотатом. Поэтому, знак в неявной форме это движение в себе содержит. И это движение мы обозначаем выражением «внутренняя предикация знакового выражения». Содержательный смысл этого мы попытаемся показать ниже.

Придя к возможности выделения денотата как объекта внешнего не только по отношению к обозначающему его знаку, но и по отношению ко всей данной знаковой системе, мы тем самым переходим в область собственно семантики. Основными ее понятиями являются те же, что и анализируемые выше: знак, значение, смысл, репрезентант, «внутренняя предикация» и «прозрачность для значения». Но, естественно, они приобретают иной вид. Так, например, определяя денотат как внешний данному языку объект, мы уже вынуждены отказаться от самой автономности знака, а язык признать в качестве ограниченной системы, соотносимой с внешней системой денотатов. Тогда уже необходимым становится переход к естественному языку, ибо семантические закономерности, вскрываемые в нем, ярче и определеннее.

Изменяется и категория смысла. На уровне неинтерпретированной знаковой системы смысл знака совпадает с его строением (как физическим, так и со знаковым—в случае сложного знака), существенным для субъекта, реагирующего на знак. Смысл знака в естественном языке уже явно включает в себя и реакцию субъекта на знак. Реакция эта всегда соответствует строению знака. Она есть, во-первых, реакция на непосредственное психо-физиологическое воздействие знака¹⁴, исключаящую какую-либо конвенциональность; во-вторых, различение формы знака на основе дифференциальных признаков и, в-третьих, осознание знакового состава сложного знака. Определение смысла как той информации, которую получает субъект, воспринимая данный знак¹⁵, касается только внутренней, субъективной стороны дела. Но информация о денотате, который задается данным смыслом, передается посредством определенного строения знака. Связь же между знаком, денотатом и смыслом, основанном на строении знака и осуществляемом на уровне сознания как информация о предмете обозначения, есть значение знака¹⁶.

Объявив значение той информацией, которая содержится в знаке¹⁷, т. е. отождествив со смыслом в нашем понимании, мы будем нуждаться еще в одном понятии, которое бы связывало данную информацию с денотатом. Можно предположить, что такая точка зрения возникает в противовес предметному взгляду, согласно которому значение есть предмет обозначения. Психологически это понятно. Но, возникают определенные трудности в разрешении следующего вопроса. Как определить значение, если предмет обозначения в данной ситуации отсутствует или же его вообще нет в действительности (как в случае имен пустых классов: «русалка», «нынешний король Франции»), следовательно, предмет обозначения существует как предмет мысли и ничем не отличен от информации, имеющейся о нем? Здесь знак уже превращается в нечто субъективно данное; срastaются обозначаемое и информация о нем. Психологизирующая эту ситуацию точка зрения Ф. де Соссюра несколько односторонне представляет дело, хотя она основана, на наш взгляд, на том факте, что случай, когда мы употребляем знак в отсутствие обозначаемого (имя пустого класса только чистое выражение этого), в общем для языка наиболее характерен, что смысл и ценность языка и как средства

¹⁴ Провозглашенная футуристами самоценность звука только излишне выпячивает эту сторону дела. См. «От символизма до «Октября», М., 1924.

¹⁵ По Фреге-Черчу. См. Б. В. Бирюков, Теория смысла Готлоба Фреге, в сб. «Применение логики в науке и технике», М., 1960; А. Черч, Введение в математическую логику, т. I, М., 1960, стр. 18—20 и примечания к ним.

¹⁶ Здесь мы солидарны с точкой зрения Л. Абрамяна. См. его Гносеологические проблемы теории знаков, Ереван, 1965.

¹⁷ Как это делает Резников; см. его Гносеологические проблемы семиотики, Л., 1964.

коммуникации, и как средства познания именно в том, что он фиксирует то, что не может быть представлено непосредственно в знаковой ситуации. Поэтому анализ знаковой ситуации должен следовать за анализом ситуации, описанной выше; это также потому, что, объявив предмет только мыслимым предметом, мы тем самым настолько расширяем область возможных обозначаемых, что любой знак вовлекается в анализ, и здесь можно ожидать, что вскроются более глубокие закономерности.

Итак, мы имеем три идеальных объекта: образ знаковой формы знака, идеальный предмет обозначения и информацию об этом предмете. «Информация» употребляется здесь не строго терминологически. Имеется в виду то знание о предмете, которое мог бы иметь некто, если это знание субъект, обладающий им, выскажет ему (этому «некто») в социально-фиксированной форме. Информация о предмете, следовательно, потенциальна и ограничена языковой формой. Это несколько упрощает дело, ибо, говоря об информации как о знании, мы содержание информации о предмете предполагаем рациональным и, следовательно, отвлекаемся от привходящих моментов — волевого, эмоционального и других. Тогда информация о предмете есть понятие его.

Понятие не есть нечто монолитное, нечленимое. Как убедительно показал (а точнее — напомнил) А. А. Ветров, именно расчлененность его является одной из важных характеристик его¹⁸. Это выражается в том, что содержание понятия вскрывается в различных определениях. Но, если иметь в виду только то, что это различные определения, то форма понятия расчленена несколько механически, результаты членения представляются как положенные рядом, нет возможности вскрытия какого-либо отношения между различными определениями понятия, следовательно, нет возможности в расчлененности увидеть движение.

Понятие есть свернутая форма высказывания. Но высказывания, относящиеся к делу, многообразны. Понятия — свернутая форма всех высказываний, выражающих содержание его. И этого мало — понятие есть форма, определяющая связь и соотношение этих высказываний. Тогда распределение высказываний, раскрывающих содержание понятия, и связь их подчинены уже не какому-то внешнему для понятия механизму. Понятие этот механизм содержит в себе. Действие же этого механизма осуществляется в языковой форме. Следовательно, здесь смысл знака предстает как развитие первоначальных определений: он есть расчлененность формы понятия, мыслимая или эксплицируемая в строении языковой формы.

Понятие соотнесено с предметом. Последний в данном случае также является идеальным предметом. Стало быть, если мы называем какой-нибудь идеальный предмет, то мы мыслим этот предмет, что значит, что мы имеем понятие об этом предмете, и тут, казалось бы, между предметом мысли и понятием этого предмета разницы нет. Но, на наш взгляд, это не так. В заблуждение может ввести нас то представление, согласно которому, коль скоро мы выражаем свои мысли в языковой, а следовательно, и логической форме, то и весь реальный процесс мышления протекает на логическом уровне. Однако давно уже показано, что мыслительный процесс протекает в сопряженности всех ныне различаемых сфер психической деятельности. Именно исходя из этого, мы и различаем идеальный предмет как денотат данного знака от смысла его. Если первый может быть представлен любой формой духовного движения, то второй может быть только понятием.

Описанная выше ситуация с именем пустого класса есть только чистый случай, реально совершающаяся абстракция от тех ситуаций, в которых обозначаемое актуально не представлено или необозримо (солнечная система), или представляет собой абстрактный объект («белизна», «добро» и т. п.). Денотат знака во всех этих случаях представляет идеальный предмет. Усвоение значения знака, обозначающего любой (в том числе и идеальный) предмет, всегда происходит на основе соотнесения знака с реальной действительностью. Д. П. Горский намечает следующие этапы овладения значением (смыслом) знаковых выражений. I — овладение смыслом знаковых выра-

¹⁸ А. А. Ветров, Расчлененность формы как основное свойство понятия, «Вопросы философии», 1958, № 1.

жений путем остенсивных определений; II — на уровне вербальных определений, не предполагая систематического обучения, что значит сведение вербальных определений к остенсивным; III — на уровне систематического обучения и, наконец, IV — овладение смыслом знаковых выражений на уровне научного познания¹⁹. Независимо от того, на каком уровне субъект овладевает смыслом данного знакового выражения, можно сказать, что оно совершается путем сведения смысла к чувственно познанному. На первых двух уровнях, выделяемых Д. П. Горским, понимание смысла есть непосредственное сведение к чувственно познанному. Последние два не могут, в силу большой отдаленности, быть так непосредственно сведены к формам чувственного. Но опыты Н. И. Жинкина²⁰ побуждают к признанию существования систем субъективных несловесных средств, служащих для закрепления абстрактного материала. Эти средства не суть какая-то субъективная неорглифика или же знаковая система, ибо они не обладают конвенциональной природой. Они представляют собой элементы чувственного познания, служащие в качестве средств фиксации, некоторые чувственные «подпорки» абстрактного мышления. И именно эти элементы чувственного, в частности, могут быть денотатом в случае, когда предмет мысли и обозначения актуально не представлен.

Термин «денотат» употребляется выше в несколько расширительном смысле. Имелся в виду предмет обозначения вообще, независимо от того, наличествует он или нет в данной ситуации, существует он вообще или нет. Погрузив и денотат и смысл знака в сферу субъективного, мы стремились показать то, что ни тот, ни другой не может определяться как лежащее отдельно от другого. Связь между ними непрерывна. Но эту связь не следует полагать как статическое отношение, она осуществляется как движение от денотата (в определенном выше смысле) к выражению смысла.

Движение это есть «внутренняя предикация» на новом, качественно более высоком уровне. Понятие это нам представляется необходимым для вскрытия механизма оперирования знаками. Можно предположить, что оно окажется полезным и для осмысления эвристического процесса, так как развертывание «внутренней предикации» во «внешнюю», т. е. перевод эвристического процесса в формы дискурсивного мышления, всегда проходит на основе вскрытия и осознания «внутренней предикации».

Таким образом, мы подошли к тому положению, когда возможен непосредственный анализ знаковой ситуации. Причем, теперь уже знаковая ситуация не оказывается чем-то предназначенным; мы уже в достаточной мере описали компоненты знаковой ситуации: и знаковую форму, и денотат, и смысл. Должно заметить, что рассмотрение знаковой ситуации означает уже меньшую степень абстракции, чем те уровни, на которых рассматривался знак в данной статье. Понятия, вовлекаемые в анализ, будут непосредственно касаться реальности. Это, в частности, справедливо и в отношении денотата. Так, если попытка найти единый подход как к знакам, обозначающим реально существующие вещи, так и к знакам, являющимся именами пустых классов, привела к необходимости отвлечения от реальных предметов, взгляда на них как на идеальные образования, то на уровне знаковой ситуации непосредственно присутствует реальный предмет. Это определенно указывает на действительную диалектику развития знаков. Она в том, что знаковая деятельность человека основана на деятельности человека с вещами, но развитие практического отношения человека к миру приводит к необходимости такого типа связи между людьми, когда может сообщаться только о порождении чистой субъективности.

¹⁹ Д. П. Горский, Проблема значения (смысла) знаковых выражений как проблема их понимания, «Логическая семантика и модальная логика», М., 1967 г.

²⁰ См. Н. И. Жинкин, О кодовых переходах во внутренней речи, «Вопросы языкознания», 1964, № 2.